

Д-р Дэниел Дж. Трейер, Притчи, занятие 1, два пути

© 2024 Дэниел Трейер и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэниел Дж. Трейер в своем учении «Притчи для христианской жизни». Это сеанс номер один, Притчи 1–9, «Два пути».

Привет, я Дэн Триер. Я профессор богословия Нодлера в Уитонском колледже и его аспирантуре. С удовольствием читаю цикл лекций по книге Притчи. Моя собственная тема для них, как вы скоро увидите на экране, — «Чтение притчей для христианской жизни».

Я благодарен издательской группе Baker Publishing Group за возможность повторно использовать материалы из этого тома, который я опубликовал в книге «Притчи и Экклезиаст» в 2011 году, для серии под названием «Богословский комментарий Бразоса к Библии». Теперь многие преданные исследователи Ветхого Завета могли бы создать более технически компетентную и всеобъемлющую библейскую теологию Притчей, чем я, как системный богослов. Итак, в своей работе я во многом завишу от экзегетической помощи со стороны прекрасных комментариев таких людей, как Тремпер Лонгман и Брюс Вальтке, а также многих других евангелистов-исследователей Ветхого Завета, чья техническая компетентность в иврите и целом ряде других вопросов намного превосходит мою.

В этих лекциях я не буду пытаться повторить ту сложную работу, которую они проделали. Как богослов-систематик, я могу лишь синтезировать и дополнять их работы, уделяя особое внимание. Как верующим христианам следует читать Притчи в свете всего канона христианского Писания и нашей преданности триединому Богу, явленному в Иисусе Христе? Должны ли мы просто относиться к Притчам как к собранию самородков практической мудрости, иногда заимствованной из различных культур или соответствующей им? Или нам следует более осознанно понимать наше чтение с точки зрения нравственного формирования, обучения служению Богу-Творцу народа Израиля? Или же Притчи могут еще больше способствовать нашему духовному формированию внутри христианской церкви, человеческого сообщества, которое обновляется благодаря следованию за абсолютно верным израильтянином, Иисусом Христом? Может ли использование Притчей таким христианским способом сохранить их первоначальный смысл? Я так думаю, и мы постараемся изучить это на этих лекциях.

В следующих лекциях будут даны ответы на подобные вопросы, состоящие из четырех частей. Во-первых, длинное введение в Притчах с 1 по 9 подчеркивает тему двух путей: продолжающейся драмы принятия решения (большая картина)

и решений (меньшие картины), между стремлением к мудрости, с одной стороны, и безрассудством, с другой. Этому будет посвящена наша лекция.

Во-вторых, короткие Притчи в Притчах с 10 по 29 изображают добродетельный характер, и это изображение мы можем обобщить с точки зрения основных и богословских добродетелей христианской традиции. В-третьих, напротив, короткие Притчи в Притчах с 10 по 29 также изображают тяжкие пороки, которые преодолевают мудрые люди, опасности так называемых семи смертных грехов. В-четвертых, заключительные слова в Притчах 30 и 31 связывают родительскую педагогику книги с педагогией Бога, способствуя формированию заветного народа в мудрости.

Этот педагогический фокус выдвигает на первый план дополнительную тему, которую мы будем изучать в четвертой лекции. В «Притчах» слушание и речь отдаются приоритетом как жизненно важным выражениям нашего характера и решающему вкладу в его здоровое развитие. Теперь перейдем к основной схеме подхода к Притчам: двум путям, изложенным в Притчах с 1 по 9. Роланд Мерфи предположил, что история интерпретации Притчей включает в себя то, что он называет доброжелательным пренебрежением, при этом Притчи служат не более чем средством обеспечения соблюдения правил. нравственное руководство.

В конце концов, сохранилось немного классических комментариев, за интригующим исключением различных томов Филиппа Меланхтона XVI века, а современные ученые часто отдают приоритет Торе, когда дело касается этики Израиля. Даже современных комментариев к Притчам до последних десятилетий было относительно немного. Тем не менее, несмотря на долю истины в утверждениях о пренебрежении ею, Притчи с самого начала оказали влияние на христианскую мысль.

Примечательно, что Дидахе, так называемое учение двенадцати апостолов, содержит церковные наставления уже со второго века, а возможно, даже с первого. Это руководство начинается следующим образом, цитирую, есть два пути: один из жизни и один из смерти, и между этими двумя путями есть большая разница, конец цитаты. Последующие наставления в Дидахе ориентированы на характеры и перекликаются с Притчами и более широкими образцами Ветхого Завета относительно двух путей.

Например, Псалом 1 противопоставляет путь праведных пути нечестивых. Иеремия 21:8 сопоставляет путь жизни и путь смерти. Структура благословений и проклятий во Второзаконии, например, в главе 11, стихи с 26 по 28, также является бинарной.

Иисус противопоставляет широкий путь к разрушению узкому пути к жизни в Евангелиях от Матфея 7, 13 и 14, так что его последователи назвали свое движение путем, согласно книге Деяний. Переходя к Дидахе, главы 5, 17–25 Галатам представляют двойственность духа и плоти. Плоть не относится к телу, как если бы оно по своей сути было злом, а имеет дело со слабым, приземленным, греховным существованием в теле.

И в этой двойственности духа и плоти мы имеем список добродетелей и пороков. У нас есть эсхатологический стимул, заключающийся в том, что Божье разрушительное будущее суда и спасения формирует стимул для христианской жизни прямо сейчас. После того, как «Дидахе» поднимает эти библейские темы, «Утешение философией» Боэция несколько столетий спустя представляет собой еще один пример широких христианских параллелей этим библейским двум путям. традиция, в то время как Боэций также размышляет над некоторыми богословскими и философскими вопросами, которые она поднимает.

Мы не должны позволить возможному развитию более концептуальных доктрин или проблематичным дебатам по поводу естественного богословия ввести нас в заблуждение. Нам нужна теология сотворенной природы. В Притчах мы находим библейское разрешение Божьему заветному народу мудро использовать сотворенную природу и языческие культуры, без необходимости всегда явно ссылаться на искупляющую благодать.

Без изучения Притчей, когда мы стремимся восстановить доброту творения в рамках христианского мировоззрения, мы можем не суметь интегрировать культурное взаимодействие с библейским Евангелием. Или мы можем время от времени и бессистемно использовать Притчи, используя моралистический прагматизм как источник советов для родителей или других гарантированных Богом способов самопомощи. Когда богословская основа Притчей таким образом искажается или игнорируется, либо Бог автоматически благословляет людей, которые делают правильные вещи, либо Бог моралистического терапевтического деизма, который описал Кристиан Смит, столь безудержно распространяется в нашей культуре, даже евангелической культуре.

Этот Бог моралистического терапевтического деизма, благословляющий добрых людей, предлагает банальности тем, кто помогает себе сам. Когда Притчи читаются таким образом, мы понимаем их глубоко неправильно и упускаем мудрость, которую Бог приготовил для нас. Обратившись теперь к самому тексту, мы обязательно обнаружим моральную направленность и практическую мудрость.

Но на самом деле на кону стоят два образа жизни, которые формируют долгосрочный общественный характер, а не обеспечивают краткосрочные индивидуальные гарантии. Сама структура Притчей 1.1-9.18 способствует

продвижению вперед по пути к мудрости. Притчи 1–9 состоят из расширенных речей родителей и олицетворенной мудрости, тогда как остальная часть книги содержит более короткие и знакомые пословицы, обычно состоящие из двух строк.

В Притчах 1–9 структура речей, я думаю, относительно ясна. В интермедиях есть мудрость, говорящая лично в стихах 20–33 главы 1 и стихах 1–36 главы 8. В промежутках между этими речами личной мудрости, лекции родителей обращаются к моему ребенку или детям с этой фразой, встречающейся в целом ряде стихов: 2-1, 3-1, 3-11, 3-21, снова в 4-1, 10. -20, в главе 5, стих 1 и стих 7, в главе 6, стихи 1, 3 и 20, в главе 7, стихи 1 и 24, а затем снова в главе 8, стих 32.

Не все эти формы прямого обращения или вызывающих воспоминаний обязательно равны по силе, как будто они указывают на общие структурные подразделения, но они устанавливают широкую модель, которая, я думаю, позволяет нам читать Притчи 2–9 тематически, используя стандартное разделение на главы. . Притчи 2, 3, 4 и 6 — это родительские речи, восхваляющие мудрость, и они постепенно развиваются от принятия ее предложения в главе 2 к удержанию ее в главе 3, к сохранению приверженности этому родительскому пути в главе 4, к избегая различных затруднений в главе 6. Между ними в Притчах 5 и 7 вкраплены предостережения родителей против глупости. Сигнальной опасностью, от которой человек должен беречь свое сердце, о чем говорится в конце главы 4, является прелюбодеяние, глава 5. Женаты они или нет, молодые люди сталкиваются с серьезными духовными опасностями, слушая соблазнительные голоса (глава 7), а не женскую мудрость, которая говорит в Притчах 8. В Притчах 9 предлагаются краткие версии противоположных приглашений женской мудрости в стихах 1-6 и женской глупости в стихах 13-18, таким образом формулируя аксиомы о целеустремленности, которая необходима для достижения мудрости в стихах 7-12. .

Конечно, это драматическое движение, которое я предлагаю в поисках мудрости в главах 1–9, происходит на очень широком, всеобъемлющем уровне, внутри которого есть множество шоссе и обходных путей. Однако перипетии этих многочисленных сюжетных линий в главах обычно представляют собой вариации на основную тему двух путей, один из которых ведет к жизни, а другой — к смерти. К прологу.

Притчи 1-1 связывают последующий материал с царем Соломоном. Конечно, не автор каждой пословицы, но он, тем не менее, является центром их создания и сбора. Будучи сыном Давида и царем Израиля, Соломон связывает эти притчи с историей спасения Израиля, хотя и косвенно.

Эта связь становится более очевидной в нескольких стихах, где страх перед Яхве, страх перед Господом, не просто перед каким-либо Богом или самым совершенным существом, но страх перед заветным Богом Израиля, стоит как узкие врата для входа в поиск мудрости. Глава 1, стих 7. Имя Соломона связывает его с миром, как указывает Ипполит из ранней церкви. Не только в негативном смысле избегания войны, но, скорее, в целостном смысле процветания, наслаждения гармонией с Богом, Божьим народом и остальным творением.

Мудрость этого шалома передается через чиновников Израиля, от которых в конечном итоге Иисус Мессия проведет свою линию. Цель притчей проявляется в стихах 2–6 главы 1: они накладывают друг на друга повторяющиеся слова мудрости и в процессе переносят несколько богословских уроков. Во-первых, мудрость не только личная, но и социальная.

Понимание, полученное в результате наставлений в пословицах, позволяет мудро поступать и способствует справедливости (стих 3). Притчи позволяют не только учиться или получать наставления, но и учить других (стих 4). Притчи 1–4 еще больше подталкивают мудрость к суете толкования повседневной жизни, поскольку коннотации его словарного запаса пронизательности не всегда положительные во всем Ветхом Завете. Они вспоминают змея из Бытия 3. Нам нужно стать мудрыми, как змеи, а не просто невинными, как голуби, говорит нам Иисус в Евангелии от Матфея 10, стих 16. Таким образом, пословицы могут иногда описывать образ мира, но не всегда одобрять то, как устроен мир, работая или прописывая конкретный ответ.

Эта герменевтическая функция мудрости, помогающая нам понять происходящее, проявляется далее в стихах 5 и 6. Мудрость строится сама на себе. Изучение и преподавание мудрости имеют основополагающее значение для развития способности слышать и различать ее значение. Богатства мудрости неисчерпаемы.

Мудрые должны развивать навыки понимания этих слов, которые достаточно глубоки, чтобы соответствовать постоянно меняющемуся контексту жизни в человеческом обществе. Во-вторых, библейская мудрость демократична и адресована каждому, где бы он ни находился. Универсальное приглашение мудрости изначально очевидно из-за отсутствия явного адресата в главе 1, стихе 1. Далее мудрость накапливается.

Никогда нельзя стать достаточно мудрым, чтобы перестать нуждаться в большем. Но в то же время мы можем научить мудрости простых и молодых. Таким образом, «Пословицы» не утруждают себя тем, что философы называют парадоксом добродетели: идеей о том, что только добродетельные люди могут расти в добродетели, но как может начать действовать тот, кому не хватает

добродетели? Мудрость для следующего шага, даже для первого шага на пути к жизни, всегда доступна от Бога, если только человек не зашел по дороге от простоты к гордому безумию так далеко, что совершенно отказывается повернуть назад.

В-третьих, Притчи 1:7 утверждают, что мудрость имеет богословские корни. Начиная со страха Господня, мудрость – это дар Божий. Здесь имя Бога — Яхве, под которым Творец раскрывает себя в завете с Израилем.

Данность откровения Яхве принимается как нечто само собой разумеющееся, и в главе 1, стихе 7 изображено либо или, либо. Люди либо соответственно реагируют страхом перед этим Богом, либо неадекватно – глупостью. Глупцы — это гордость, это корень, если не корень, так называемых смертных грехов, о которых мы поговорим подробнее.

Глупцы горды, они презирают дисциплину и не ждут никаких последствий от Бога. Еще одним ранним индикатором необходимости благодати здесь является аура таинственности, заключенная в самой идее пословицы « машаль» , которая также может обозначать притчу. Двойная реальность параболического учения Иисуса параллельна Притчам.

С одной стороны, конкретная приземленность изречений дает возможность некоторого понимания даже самой простой аудитории, встраивая учение в повседневную жизнь. Если вы вспомните некоторые современные пословицы, например: «Сэкономленный пенни — заработанный пенни», «Стежок, сделанный вовремя, сэкономит девять» или, в последнее время, «Просто сделай это» и другие подобные, возможно, вы поймете, что они наиболее успешны, когда кратки, поэтичны и конкретны, чтобы запомниться, предлагая обобщения, а не гарантии. Они помогают диагностировать ситуации, к которым они применимы, но их нельзя применять деревянными методами, если их применять с умом.

Так, с другой стороны, как сказал Иисус относительно притч, имеющим будет дано больше, и у них будет избыток, а у тех, у кого ничего нет, отнимется даже то, что они имеют, Матфея 13, 12. Ибо видя не воспринимают, и слыша не слушают, и не понимают. В 13-й главе Евангелия от Матфея Иисус цитирует главы 6, 9 и 10 Исаяи.

Притчи и притчи кажутся обманчиво простыми, однако в них есть несколько смысловых слоев, предназначенных для тех, кто достаточно мудр, чтобы бояться Бога. И кстати, нас может отрезвлять осознание того, что крупнейшим источником пословиц в нашей современной культуре является Мэдисон-авеню. Пища для размышлений относительно формирования нашего характера.

Здесь страх Господень — это не ужас, создающий еще большую дистанцию. Вместо этого этот ветхозаветный синоним веры, грубо говоря, подчеркивает первоначальное признание того, что Бог является творцом, перед которым мы должны отчитываться за себя. Древний богослов Беда отличает рабский страх от святого страха.

При первоначальных мучениях за наш грех совершенная любовь Божия изгоняет рабский страх наказания, 1 Ин 4, 18, чтобы милосердие могло вселить в нас святой страх разочаровать возлюбленного Отца. Поэтому Иак. 1, 5-8 поясняет нам, как этот страх Божий позволяет нам приобретать мудрость. Если же кому-то из вас недостает мудрости, попросите Бога, дающего всем щедро и щедро, и будет вам дано.

Но просите с верой, никогда не сомневаясь, ибо сомневающийся подобен морской волне, гонимой и развеваемой ветром. Ибо сомневающийся, будучи двоедушным и неустойчивым во всех отношениях, не должен рассчитывать получить что-либо от Господа. Основная двойственность двух путей не только различает мудрых и глупых, но также проникает в сердца мудрецов, которые не должны становиться двоедушными, прося у Бога мудрости без малейшего намерения следовать ей.

Каким бы странным это ни казалось; это подарок, который люди иногда получают, не открывая. Двойственность, присущая двум путям этого богословского измерения мудрости, не является небиблейским дуализмом. Скорее, оба пути проистекают именно из того факта, что есть только один истинный Бог.

Вся жизнь каждого подчинена Господству Яхве-Творца. Для тела и души, сейчас, а не еще, для сообщества верующих и мира, все подчинено Господству Творца. Небиблейский дуализм разделяет эти реальности на совершенно отдельные категории, в которых приоритет отдается тому или другому.

Но отказ от такого рода дуализма не стирает законных различий. Они представлены в Притчах, чтобы направлять нас в целеустремленном стремлении к Божьей мудрости. Когда-нибудь Божий суд проведет различие между теми, кто добровольно исповедует Божье господство, и теми, кто делает это неохотно.

Хотя Бог так возлюбил мир, что отдал Своего единородного Сына, Иоанна 3:16, Он сделал это для того, чтобы мир мог быть спасен через Него, стих 17, а не просто оставлен таким, какой он есть, скрываясь во тьме, стихи 19-21. Или другой отрывок, направленный против дуализма, 1 Тимофею 4, все, что создал Бог, хорошо, начало 4-го стиха. Это нужно принимать с благодарением, освященным Божьим Словом и молитвой, стихи 4 и 5. Хотя это правда,

направление сердце человеческое уже не доброе, но превращает эти дары в идолов. Оно отказывается создавать блага, освященные Божьим Словом и молитвой.

Благодаря плоти и диаволу, помимо света Иисуса Христа, мы забываем, что мир и его желания проходят, а исполняющие волю Божию живут вечно, 1 Ин 2,17. Таким образом, два пути, содержащиеся в Притчах, частая противоположная форма Притчей и так далее, не усиливают неправильный вид дуализма, а как раз противодействуют ему, подчиняя всю жизнь милостивому Господству Бога, Которому мы должны подчиняться. страх. В-четвертых, уже стали очевидны последствия социального, демократического и теологического измерения мудрости. Мудрость прогрессивна.

Учитель активно переходит от обеспечения базовой дисциплины к стимулированию более сложной проницательности по мере того, как молодые люди преодолевают свою простоту и возрастают в мудрости, идя по пути. Целью является не рабское повторение традиционных формул, а свобода взрослеющего человека, который все больше учится распознавать истину и жить соответственно, без постоянного направления. Однако рост, необходимый для реализации этой цели взрослой жизни, требует первоначального обучения и постоянного руководства.

Даже зрелый и мудрый человек нуждается во множестве советчиков и должен продолжать учиться, слушая. Этот прогрессивный элемент мудрости будет подробно описан в следующих главах. Итак, когда мы подходим к стихам 8-19 в первой главе, мы подходим к теме не слышать зла.

Эти стихи объединены и связаны с более ранними стихами, среди прочего, на тему наставления. В тексте представлены два говорящих, предлагающие два разных пути, ведущих к двум разным целям. Говорящие – родители, стихи 8 и 9, и грешники, стихи 10-19.

Грешники соблазнительны и жестоки ради жадности. Однако их конец — смерть, резко изображенная в терминах самоуничтожения в стихах 18 и 19, а также с двойным смыслом, включающим слово «зло» в стихе 16. Подразумевается, что целью родительского наставления является жизнь.

Хотя ссылки на кровь в стихах 11 и 15 заманчивы рассматривать как крайние, так что грабители будут выделяться из общества, ссылка на дома в стихе 13 указывает на некоторый социальный статус. А стих 19 расширяет поле зрения. Таков конец всех, кто жаждет наживы.

Грабители разыгрывают крайнюю форму развращенного желания, которое проникает в каждого, а грешники предлагают заманчивые формы

альтернативного сообщества (стих 14), банды. Учитывая наши человеческие взаимоотношения, противоядием от банды является почитание собственных родителей. Не просто неохотно подчиняясь прямым приказам до достижения определенного возраста независимости, но стремясь ценить духовное наследие, которое мы получаем от них.

Хотя слушание не гарантирует действия, они глубоко связаны. Говоря отрицательно, плохая компания портит хороший характер (1 Коринфянам 15:33). Положительно, библейское учение имеет личный и устный характер, который жизненно важно сохранить даже в сегодняшнем обществе, в котором доминируют имиджи, о котором мы так много слышим. Таким образом, родительская мудрость обращается к юношеской воле через власть и любящую заботу, стремясь вызвать взросление размышлений о последствиях возможных действий.

Слушание предложения мудрости, стихи с 20 по 33. Этот личный характер библейского учения проявляется в новом измерении, начиная со стиха 20, когда олицетворенная мудрость вопиет на общественной площади. Здесь она начинает излагать свое приглашение, а затем расширяет его, начиная с главы 8 и стиха 1. В этих разделах, я думаю, можно вкратце показать, что мудрость общедоступна, активна лично и уже презирается.

В Притчах делается другой акцент, чем в Иов 28. В то время как Иов 28 подчеркивает, что мудрость не является даром творения, ее не просто взять, ее трудно найти, в Притчах прославляется аналогичный страх Господень, но с другим акцентом. Бог делает мудрость доступной не с первого взгляда, а после того, как мы услышим божественный голос и услышим божественное учение через родителей.

Итак, мудрость общедоступна, и это часть того, что подчеркивает персонификация мудрости. Во-вторых, мудрость лично активна. В Притчах 1 мудрость взывает, обещая излить мысли и слова, призывая, испытывая отказ, а потому смеясь и насмехаясь, предпочитая не отвечать или отдавать себя.

Как именно это личное изображение мудрости соотносится с родителями, с одной стороны, учением книги Притчей и, возможно, с самим Богом, как в конечном счете понимают христиане, явленным в Иисусе Христе, олицетворение мудрости сложно, и мы можем мы сможем поговорить об этом подробнее позже, но, безусловно, здесь делается акцент на личной деятельности мудрости, как в некотором роде отражающей и опосредующей личную деятельность Бога по отношению к Его творению. Но в-третьих, мудрость уже презирается. Его отказ рассматривается как факт в стихах 24, 25, 29 и 30.

Структура этого языка напоминает личное неприятие, вызывающее ревность Бога, даже заветные проклятия, предсказанные Израилю во Второзаконии. Так что молодые дураки здесь не обязательно находятся вне общества, это следующее поколение заветного народа Божьего, который всегда начинает свой путь, искушенный своенравием. «Притчи» вполне реалистично оценивают, как можно воспринять моральный материал.

В Притчах 2 говорящая часть переключается обратно с олицетворенной мудрости на родителя, но суть сообщения остается той же: ищите понимания. В то время как в главе 1 мудрость начиналась со страха перед Господом и подчеркивалась важность слушания и получения откровения, глава 2 призывает к активному стремлению теперь через ряд императивов, начиная с принятия откровения и продвигаясь к искреннему поиску. В Притчах — понимание, и здесь тебуна — особенно заметное слово, которое появляется в стихах 2, 3, 5, 6, 9 и 11, но в более общем смысле понимание, мудрость, изображенная в Притчах, не является в первую очередь теоретической.

Обычно это ближе к тому, что греки называли *phronesis*, практическому разуму, благодаря которому мы хорошо живем в конкретных мирских ситуациях. Он все еще содержит созерцательный элемент, например, в размышлениях и внимательности, подразумеваемых стихами 1 и 2, отчаянном стремлении к стиху 4, накоплении стиха 7, усвоении стиха 10 и так далее. Есть созерцательный элемент, это то, что мы пережевываем, это понимание, эта мудрость.

Однако целью такого понимания является не теоретическое мастерство и не тот вид человеческого мастерства, которого так часто ищет современное знание. Техне, как называли ее греки, и здесь можно услышать подтекст слова «технология», техне, с помощью которой люди могли понимать космос, чтобы управлять им, чтобы овладевать им, предсказывая, а затем создавая или придавая форму вещам. Мы не говорим о практическом разуме в техническом смысле.

Мы говорим о мудрости, которая обещает охранять нас как людей и справедливость наших сообществ, а не оставлять нас просто защищать себя собственным мастерством или собственными методами. Сокровище — это привилегированная метафора здесь, в стихах 1, 4 и 7, в отличие от обещаний шайки из первой главы. Ищите прежде Царства Его и праведности Его, и все это будет дано вам, Матфея 6:33. Это мудрое высказывание Иисуса передает суть. Мы находим настоящее сокровище только тогда, когда любим Бога, а не деньги, и тогда Бог правильно благословляет нас благами твари, когда мы это делаем.

Вторая половина Притчей 2 обещает избавление мудрости от многих, которые с извращенной радостью идут по пути смерти, в стихах с 12 по 15, и особенно избавление от прелюбодеев в стихах с 16 по 19, предвосхищая более позднюю

тому. Мы спасаемся, отказываясь от их предложений, а также отказываясь спасти себя. Родительские лекции, подобные тем, что содержатся в Притчах с 1 по 9, следуют шаблону: вступительный призыв слушать, дополненный мотивацией для этого, содержанием урока, а затем заключение, обычно обрисовывающее последствия того, сделает ли человек выбор или нет. стремиться к хорошему характеру, о котором говорится в уроке.

В Притчах 2 вступительный призыв длинный, возможно, это стихи с 1 по 11, а главный урок предписывает принять избавление мудрости от губительных людей, спастись от пути зла (стих 12) и от прелюбодеяния (стих 16). Структура главы тонко подчеркивает что-то еще. 22 стиха равны количеству букв еврейского алфавита, а стихи 11–12 делят главу пополам в соответствии с преобладанием двух букв.

Учитывая параллельную длину подразделов, текст подчеркивает полноту божественно предусмотренного порядка. Ничто не ускользает от Божьего внимания и благого провидения для людей, идущих путем заветной жизни. Итак, здесь стиль передает суть.

Текст насыщен языком завета, заповедями и праведностью с самого начала, хэседом, или верной любящей добротой в стихе 8, а также словарем, часто используемым для обозначения отступничества, например, оставления в стихе 13. Дело в том, что акцент делается на Божьем Здесь порядок проявляется в отношениях завета, и этот акцент на порядке заложен даже в структуре лекции в главе 2. Стиль соответствует содержанию. Многие в Притчах 3 и последующих главах по существу повторяет лексику и мотивы, с которыми мы уже начали сталкиваться.

Однако небольшие сдвиги в акцентах сигнализируют о значительном прогрессе. В главе 3 этот прогресс предполагает сохранение мудрости теперь, когда мы услышали ее и начали следовать за ней. Итак, не забывайте учение Мое, стих 1. Верность да не оставит вас, стих 3. Счастливы те, кто в постоянном смысле находит мудрость, и те, кто обретает понимание, стих 13.

Она — дерево жизни для тех, кто держится за нее. Тех, кто держит ее, называют счастливыми, стих 18. Дитя Мое, не позволяй им ускользнуть от твоих глаз.

Сохраняйте здравую мудрость и благоразумие, стих 21. Несомненно, эти увещевания могут охватить тех, кто еще не посвящен в мудрость, но акцент все больше делается на сохранении отношений. Последняя заповедь во вступительном призыве стихов с 1 по 12 молчаливо признает, что упрощенная теология возмездия, как мы ее называем, ошибочна.

Хорошие люди не всегда наслаждаются хорошими обстоятельствами, иначе в этом увещании не было бы необходимости. Позже в Притчах 24:16 будут более подробно раскрыты нюансы праведных страданий. Праведник семь раз падает и снова поднимается, а нечестивый спотыкается во времена бедствий.

Когда мы столкнемся с этими моментами диссонанса, у нас возникнет искушение поверить, что за мудрость не стоит держаться. Но если мы отойдем от упрощенной теологии возмездия, в которой добро всегда немедленно производит добро, тогда мы сможем понять, что обобщения о ценности мудрости верны, не обосновывая стимул мудрости какой-то упрощенной гарантией, которая, очевидно, не соответствует действительности. жизненный опыт. Вступительный призыв в стихах с 13 по 20 Притчей 3 следует за вступительным призывом с восхвалением мудрости.

Нам следует стремиться к мудрости, как к брачному партнеру, но при этом мы как бы обнимаем древо жизни, как в стихе 18. Здесь есть брачная лексика. В стихах 19 и 20 мы предварительно утверждаем, предваряя главу 8, что мудрость — это средство, с помощью которого Господь создал космос, чтобы он был стабильным и безопасным.

Символическое использование Древа Жизни здесь и в других местах Писания устанавливает потенциальную двусмысленность того, что люди называют мудростью. Если они примут данный Богом замысел тварной жизни, люди обретут благословение. Но если они стремятся жить в автономии от Бога посредством собственного познания добра и зла вместо того, чтобы принять Божье древо жизни, люди выбирают смертельное падение.

Только милосердный суд Божий не позволяет нам навечно заключить свою судьбу в этой форме идолопоклоннической жизни. Таким образом, мудрость, к которой мы стремимся сами, может стать средством именно для провозглашения человеческой независимости, которая изначально оказалась для нас столь смертельной. Однако, поскольку мы принимаем дар Творца, когда мы отвечаем на то, что Бог приходит к нам и взывает к нам со своим приглашением, мудрость приводит нас в соответствие с замыслом Бога для нашего процветания.

Возобновление прямого обращения к моему ребенку в главе 3, стих 21 открывает следующий подраздел, и здесь мы видим суть урока. Мы должны придерживаться мудрости как источника нашей безопасности и при этом заботиться о наших соседях. Другими словами, такая мудрость фокусируется на том, как мы используем наши деньги и наши уста в свете того, в чем наши сердца находят безопасность.

Поэтому здесь очевидны резонансы с книгой Иакова. Помимо других, которые я перечисляю в своем комментарии и которые вы можете найти там, я просто упомяну здесь, у Иакова есть даже цитата из греческого перевода Притчей 3:34: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Джеймс 4.6. Августин справедливо полагает, что едва ли найдется страница в священных книгах, на которой не фигурировала бы эта истина о смирении и благодати Божией.

В заключении этой главы, в Притчах 3, содержится подходящее резюме того, почему в Притчах мудрость заключается в страхе Господнем, а поиск пути к истинной жизни заключается в стремлении к мудрости. Бог, изображенный в Притчах 3 и на протяжении всей книги, милостив, он не тиранически господствует над людьми, а желает, чтобы они процветали. В Притчах 3.3 используется язык стойкой любви и верности, которые стали определяющими для характера Бога благодаря божественному самооткровению, которое Моисей получил, когда он был спрятан в расщелине скалы в Исходе 34.

Поскольку Бог справедлив и милостив и желает, чтобы все процветали, все люди иногда подвергаются наказанию, а некоторые люди должны подвергнуться окончательному суду. Библейское понимание отцовской заботы Бога о нас не только не противопоставляет справедливость и благодать, но фактически освобождает нас от культурного тупика, в котором справедливость и милосердие расходятся. Нам нужно держать их вместе, потому что это делает Бог Притчей.

У Бога есть стандарты, Бог навел порядок в творении с благодатной целью помочь нам жить хорошо. И Притчи 3 призывают нас не просто сначала услышать предложение мудрости, а затем принять его, но и держаться этой мудрости, потому что мы верим, что Бог хочет, чтобы мы наслаждались шаломом. Следующая лекция, Притчи 4, удивительно проста.

Прямое обращение различает три блока: стихи 1–9, стихи 10–19 и стихи 20–27. Первый блок – самый важный. В первом разделе, стихи 1–9, отец свидетельствует о семейной традиции мудрости, цитируя наставления из своего детства.

Общество, отраженное в Притчах, является патриархальным, но в стихе 3 библейский текст почитает также и мать. Вторая часть, стихи 10-19, подчеркивает верность нынешнего отца в учении, которого теперь должен придерживаться сын. Третий и последний раздел, стихи 20-27, полон частей тела и чувств, а также глаголов физического положения и движения.

В его основе лежит сердце (стих 23), из которого проистекает действие. Мы охраняем сердце, особенно глазами, устами и ушами, а именно тем, что видим, говорим и слышим. Важнейшим аспектом родительского обучения и охраны

сердца является сексуальная верность, явная тема пятой главы Притчей, которая косвенно говорит об отношениях завета в более общем плане.

Глава начинается с призыва прислушаться к такому учению, которое в стихах 1 и 2 приравнивается к мудрости. Обоснование начинает раскрываться с точки зрения того, что своенравие смертельно опасно (стихи 3-6). Настойчивое прямое обращение в стихе 7 приводит к решающему увещанию избегать прелюбодейки в стихе 8, чтобы избежать катастрофических последствий (стихи 9-14). Затем второе увещание раскрывает положительную сторону сексуальной радости в браке (стихи 15-20).

И, наконец, есть богословский вывод относительно опасных последствий, которые поставлены на карту в последних трех стихах. Хотя основная тема связана с сексуальной верностью, тема речи также занимает важное место. Речь молодого человека отражает его ситуацию, и то, что он слушает, влияет на него.

Библейские примеры в других местах подчеркивают необходимость отвергать предложения мгновенного удовлетворения, которые мы слышим. Моисей, выдающийся как верный сын в доме Божьем до откровения Мессии, Евреям 3, 1-6, предпочитал терпеть жестокое обращение с народом Божьим, чем наслаждаться мимолетными удовольствиями греха, Евреям 11-25. Возможно, более показательным то, что Иосиф благородно отказался от жены Потифара, заплатив большую цену в 39-й главе Бытия.

Именно такие модели воплощают то, к чему призывает Притчи 5. Напротив, как и остальная часть Притчей, глава 5 полна телесных метафор, которые не только предостерегают от прелюбодеяния, но и откровенно прославляют супружеский секс как дар, созданный Богом. Несмотря на это, начинает накапливаться импульс для создания дополнительного уровня смысла, в котором супружеская верность олицетворяет духовную верность Богу.

Мы поговорим об этом подробнее в главе 7. Брачный завет важен для библейского понимания взаимодействия Бога с Израилем и Церковью. Таким образом, уместно рассмотреть аналогии между защитой сексуальной верности и стремлением к духовной верности. Первые пять стихов 6-й главы Притчей предупреждают пресловутого сына не служить поручителем по долгам соседа, а в стихах 3б-5 завершаются увещаниями поторопиться, когда вы освобождаетесь от такого залога.

Конкретный пример медлительности, беспокоящий отца в этих стихах, приводит к более общему призыву против лени в стихах 6-11. В Притчах тот, кто боится Бога, может многому научиться на примере муравья в долгосрочной перспективе. Созданный порядок – источник нравственных знаний от Творца.

Сын здесь, возможно, еще не ленивец, но предупреждение родителей — необходимая профилактическая мера. Ленивец еще не злодей, как в стихах 12-19 главы 6, и не прелюбодейка или ее жертва, как в стихах 20-35, но он или она уже вступили на этот путь. Неспособность подготовиться к личной безопасности приводит в более широком смысле к неспособности обеспечить потребности других членов семьи или сообщества.

Естественно, что 2 Фессалоникийцам 3:10 часто цитировались в ранней церкви: любой, кто не желает работать, не должен есть. Контекст повеления Павла ясно показывает, что праздные руки — это игровая площадка дьявола в обществе. На первый взгляд, проблема поручительства за ближнего вряд ли укладывается в одну категорию с такими вопросами, как прелюбодеяние.

Ведь Библия не выступает категорически против всех форм кредитования. Современная экономика, построенная на изошренном вторжении долгов и процентов, ставит новые дилеммы, которые я не могу здесь рассмотреть. Но более масштабная тема, связанная с предотвращением запутывания, объединяет эти различные предметы.

Образец 6, а затем 7 в стихах 16-19 этой главы подчеркивает наиболее отличительную черту злодея, следуя более широкому образцу списков такого типа, с которым мы встретимся в Притчах: X, X плюс 1. Эти X, X Плюс 1 в списках выделяет последний пункт, плюс 1. Итак, здесь, в стихах 16-19, Притчи в конечном итоге противостоят разрушению семейного единства и, следовательно, уз завета. Опять же, первоочередной задачей являются человеческие домохозяйства, поскольку они представляют собой притчи, посредством которых мы учимся жить с Богом. Притчи 6, 16-19 также читаются как антиблаженство, с гордыми глазами в начале в отличие от нищеты духа, с руками, проливающими невинную кровь, в отличие от кротости и милосердия, с сердцем, строящим злые замыслы, в отличие от чистота сердца, с лживым свидетелем, дающим ложные показания, в отличие от страданий от людей, поносящих нас, и, конечно, с тем, кто сеет раздор в семье, в отличие от миротворчества.

Преобладание свистящих звуков в этих стихах создает эффект шипения во всем списке Притчей. Это характеристики, которые мы не хотим иметь. Они пугают нас, как змей.

Не случайно в этом списке грехов гордость стоит на первом месте, тогда как список, как указывает Вальтке, спускается с головы к ногам. Сердце неизбежно находится в центре. Весь этот материал объединяет то, что мы избегаем каких-либо затруднений или ловушек, которые могут сбить нас с пути поиска мудрости.

Прямое обращение к родителям снова появляется в стихе 20. На этот раз, в отличие от первого стиха главы 6, где стандартные увещевания сохранять послушание, ведущие к обещаниям защиты, которую обеспечит родительское наставление, воплощением этой защиты является женская глупость. За 7-й главой Притчей следует еще одна лекция, предостерегающая от прелюбодеяния, причем ее буквальный смысл указывает на дальнейшее духовное значение несколькими способами.

Во-первых, окружающий контекст включает в себя не только кульминационную позицию этой лекции, но и ее сопоставление с 8-й главой Притчей, посвященной женской мудрости. Персонификация здесь и в Притчах 9, касающаяся как женской мудрости, так и дамской глупости, предполагает, что прелюбодейка из 7-й главы начинает становиться чем-то большим, чем кажется на первый взгляд. Во-вторых, расширенное введение в Притчах 7 подчеркивает верность традиционному учению, связывая его с женской мудростью в главе 8. Поскольку ты моя сестра в главе 7, стих 4 передает близость брака, а не простое сестринство.

В качестве примера параллели рассмотрим Песнь Песней 4.9: ты восхитила мое сердце, мою сестру, мою невесту. В-третьих, указывая на большее духовное значение, некоторые элементы сценария соблазнения намекают на то, что происходит нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Например, насколько вероятно, что мудрый родитель сможет наблюдать за развитием событий? Стихи 6 и 7. В-четвертых, в этот сценарий входит религия.

Примечательно, что терминология главы 7 и стиха 14, вероятно, относится к братской жертве из ханаанской практики, связанной с едой, как предполагает Вальтке. В-пятых, некоторые формулировки предполагают двусмысленность: палаты смерти в стихе 27. В других местах Притчей речь идет о самых сокровенных частях тела или существа.

В стихе 26 образы, по словам Вальтке, тесно связаны с вавилонской Иштар и шумерской Инанной, обе из которых выполняют двойную функцию: они являются богинями любви и войны. Хотя предупреждение против физической поддачи прелюбодейке действительно сохраняется, в Притчах уже описаны смертельные финансовые, социальные и даже физические последствия этого. Следовательно, этот сценарий еще больше предостерегает от соблазнительного потенциала иностранных религий и альтернативной мудрости, готовя нас признать их чувственную привлекательность.

По иронии судьбы, сегодня некоторые более прогрессивные христиане говорят о мудрости в соблазнительной манере, противоречащей Божьему закону, и это может фактически привести к безумию. Не случайно, что определенные либеральные или прогрессивные формы христианской веры, которые

преуменьшают значение особенности Иисуса Христа и особенно ветхозаветного формирования его призвания в пользу более обобщенной духовности, которую можно найти внутри и за пределами множества религий, эти более либеральные формы веры имеют тенденцию отходить от традиционных библейских стандартов сексуальной этики. Даже консервативные христиане теперь доказали свою готовность пойти на значительные компромиссы с современной культурой в этой области.

Такие тенденции согласуются с динамикой религии и сексуальности, которая обнаруживается в Притчах 7. Легкомысленное отношение к брачному завету буквально и метафорически означает легкомысленное отношение к верности Яхве, и наоборот. Духовность, как и секс, удовлетворяет первичные человеческие потребности и стремления, как личные, так и общественные. Задействуя наши тела в актах самопревосхождения, как секс, так и духовность создают мощные искушения относиться к себе и другим, даже к нашему опыту общения с Богом, как к идолам.

Итак, 7-я глава Притчей имеет большое значение для наших заветных отношений с Богом. В Притчах 8, напротив, Госпожа Мудрость, как и Госпожа Глупость, кричит публично. Но хотя она и обаятельна, она стремится завоевать долгосрочную привлекательность поклонника, а не практикует кратковременную агрессию Дамы Фолли.

Ее привлекательность основана на правдивости ее слов, которые не просто передают умственные знания. На более глубоком уровне эти слова праведны и прямолинейны, а не коварные и обманчивые, как подчеркивают стихи с 6 по 9. Следовательно, они имеют большую ценность, чем самые отборные металлы и драгоценности (стихи 10 и 11).

Следующие десять стихов, с 12 по 21, еще больше раскрывают ценность мудрости, включая связь с царской властью, поскольку мудрость – это принцип, согласно которому правители правят правильно. Божий замысел состоит в том, чтобы лидеры опосредовали божественное правление посредством мудрости. Конец 8-й главы Притчей, стихи с 32 по 36, содержит ожидаемое завершение урока.

Госпожа Мудрость предлагает благословение тем, кто слушает внимательно и постоянно, чтобы следовать ее пути. Это благословение состоит в жизни и, более глубоко, чем физическое существование, в благоволении Господа. С другой стороны, те, кто отвергает мудрость, любят смерть, которая, как следствие, не является исключительно физической.

Обратите внимание на параллель с концом 7-й главы Притчей. Обе главы заканчиваются суровой смертью в результате пренебрежения Госпожой

Мудростью. В кульминации 8-й главы Притчей стихи с 22 по 31 усиливают позицию Госпожи Мудрости, всесторонне связывая ее с Божьим правлением космоса не только в настоящем, но и в отдаленном прошлом, его творении и, как следствие, его будущем. Этот отрывок, как известно, вызывает споры по нескольким вопросам, касающимся христологии и того, имеет ли он вообще отношение к Иисусу.

Не имея необходимого времени, чтобы хорошо рассмотреть этот вопрос в этой лекции, я просто отсылаю вас к моему комментарию и, возможно, к будущей лекции, чтобы разработать чтение, которое в конечном итоге связано с тем, что Иисус Христос учится у отцов церкви, но делает это очень осторожно, пытаюсь извлечь уроки и из современной библейской науки. Я думаю, что тайны в этом тексте дают некоторые основания полагать, что Святой Дух осенил это олицетворение мудрости, чтобы сказать больше, чем знал в то время автор-человек. В любом случае, хотя эта видимость мудрости предвосхищает кульминационное приглашение в главе 9, а затем эта мудрость собирается и воплощается в главах с 10 по 29, и она принимает другую кульминационную форму в женщине из главы 31, стойкой персонификации мудрости. Я думаю, намекает на нечто большее, чем просто божественный атрибут или набор собранных слов.

Действительно, присутствие мудрости в акте творения в главе 8 предполагает, что имеется в виду нечто большее, чем просто безличный божественный атрибут. Вот небольшой намек на то, как Притчи 8 могут ожить в свете Иисуса Христа. Обратите внимание на стих 31.

Этот стих определяет человечество как неотъемлемую часть Божьей радости. И затем стоит отметить, что Яхве, заветное имя Бога, является первым словом в главе 8, стих 22. А Адам, человечество, является последним словом в стихе 31 главы 8. Итак, в конце первых одиннадцати стейков и перед вторыми одиннадцатью стейками мудрость, творец в этом разделе, стихи с 22 по 31, творческий посредник говорит: «Я был там в стихе 27».

В начале у нас есть Яхве, в конце — Адам, а в середине — мудрость, говорящая: «Я был там посредником между Богом и человечеством». Я думаю, это имеет многообещающее значение. Глава 9 «Притчи» следует за очаровательным приглашением Леди Мудрости из главы 8 «Притчи» с последними предложениями как от нее, так и от дамы Безумия.

Эти предложения достигают кульминации того, что было тщательно спланировано в предыдущих главах. Теперь, в главе 9, стихи с 1 по 6, мудрость предлагает место за столом в ее доме — метафора, связанная с постоянной темой семейной стабильности. Семь колонн предполагают, что дом полностью построен, приятен на вид и безопасен.

Число семь указывает на то, что элементы отрывка действуют в символическом регистре. Строительный проект Мудрости — это сообщество завета, которое станет жилищем Бога в мире, так что она больше не будет просто взывать из храма небесного, как она делает в стихе 3. Действительно, как предполагает Уильям Браун, Леди Мудрость в Притчи способны принести святость домой, за пределы храма, в город и даже в дом. Воплощение Бога в Иисусе Христе является, в конечном счете, подходящим воплощением степени божественного снисхождения мудрости в нашей повседневной жизни.

Госпожа Мудрость благородна, однако она обращается к простым людям лично, а общение за столом свидетельствует о близости, в которую Бог удивительным образом приглашает всех нас. Напротив, насмешники, о которых говорится в стихах 7-12, просто оскорбляют мудрого человека, который к ним обращается. Ожидаемые результаты, долгая жизнь или страдания, следуют за этими двумя типами людей двумя разными путями.

Глупость делает встречное предложение в стихах 13-18. У нее тоже есть дом, и она имитирует приглашение мудрости со всех своих высот, которые, как мы знаем из остальной части Ветхого Завета, часто связаны с идолопоклонническим обольщением народа Божьего. Безумие преследует всех, даже тех, кто делает пути свои прямыми, стих 15.

Фолли обманчива: она прячет мертвых гостей в своем доме, одновременно подчеркивая чувственные удовольствия жизни на грани. Ее призывы к запретному плоду, так сказать, пытаются прикрыть лень, поскольку она не приготовила как следует еды и фактически просто сидит без дела в стихе 14. В то время как мудрость может сулить награду сама по себе, в стихе 11 разрушительное действие Глупости Конец рассказан ей мудрецом в стихе 18.

Притчи 1–9 приглашают нас насладиться радостью общения с Богом и ближним, воплощенной здесь в праздничной трапезе в кульминационный момент путешествия. Боясь нашего Создателя, мы можем по-настоящему процветать, зная, как жить в гармонии с космосом и сообществом завета. Как было сказано при обсуждении первой главы Притчей, такой святой страх не отталкивает, а притягивает.

Метафора семьи в Притчах 9 очень уместна. В конечном итоге Бог приглашает нас на семейный праздник. Величие хозяина не пугает нас, а вместо этого передает глубокое чувство привилегированности приглашения.

Стол накрыт, и мы достигнем этого окончательного пиршества, приняв божественную мудрость, оставаясь на родительском пути возле ее дома.

Это доктор Дэниел Дж. Трейер в своем учении «Притчи для христианской жизни». Это сеанс номер 1, Притчи 1–9, «Два пути».